

Владимир Мисихин

Между эпистемологией и жизнью

Рецензия на книгу Пола Карла Фейерабенда «Убийство времени. Автобиография» (Фейерабэнд, П. К. Убийство времени. Автобиография / Пер. с англ. В. Зацепина. М.: Rosebud publishing, 2021)

Владимир Русланович Мисихин, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС, Москва, Россия.

ORCID: 0009-0000-3653-2349

Электронная почта: misikhin-vr@ranepa.ru

Для цитирования: Мисихин, В. Р. Между эпистемологией и жизнью. Рецензия на книгу Пола Карла Фейерабенда «Убийство времени. Автобиография» // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 2. С. 129–133.

«Убивая время» — это книга, которая не стремится ни к реконструкции интеллектуальной эволюции автора, ни к систематизации его идей, ни к созданию «канонического» образа мыслителя, что делает ее трудной для академического анализа. Но именно в этой трудности — главное достоинство работы, предлагающей нам, скорее, не повествование, а доступ к особой форме саморефлексии, в которой человек предстает в качестве объекта и субъекта собственного философского эксперимента. Фейерабэнд пишет автобиографию буквально на излете жизни, уже понимая, что это его последняя возможность переосмыслить прожитое. Он делает это резко, местами язвительно, иногда беспощадно к себе и окружающим. И все же его книга не превращается в набор исповедальных признаний, скорее, это тщательно выстроенная, хотя и маскируемая под спонтанность, интервенция в наше понимание науки, культуры, морали и человеческой слабости. Как и в философских работах, здесь он остается тем самым *enfant terrible* — провокатором, нигилистом и гуманистом одновременно.

129

Автобиография Фейерабенда интересна прежде всего тем, что демонстрирует связь между личностным опытом и эпистемологическими убеждениями. Его знаменитый тезис «все дозволено» выглядит интеллектуальной эксцентрикой, пока мы не увидим, как формировалась эта позиция — через войну, физическую боль, отчуждение, странствия, разочарования, дружбу, театральные увлечения, и главное — через постоянное сопротивление любой стабилизации смысла. Фейерабэнд, переживший катастрофы XX века, просто не мог поверить в то, что порядок и рациональность — естественные состояния человеческого мира. Автор сознательно разрушает ожидания читателя, будто автобиография философа науки должна быть интеллектуальной хроникой, с этапами развития идей, с описанием дискуссий, с фиксированием «переходов» между концепциями. Фейерабэнд демонстративно избегает любой системности — он даже уничтожил документы, которые помогли бы восстановить факты из его жизни. Это мировоззренческая, а не эстетическая установка, что сама идея структурированной жизни иллюзорна. Автор как будто говорит: «Если вам нужно последовательное повествование, его придется придумать самим, но я не буду вам в этом помогать». В этом — прямое продолжение его философии. Так же, как он утверждал, что единый научный метод — миф, здесь он фактически показывает, что биографический метод также невозможен. С этой точки зрения «Убивая время» становится экспериментальной площадкой, где главный герой, сам Фейерабэнд, является не столько объектом анализа, сколько средством демонтажа привычных форм интеллектуального самоописания.

Хотя текст не претендует на социологический анализ, он произвольно создает плотную картину социальной реальности Европы и США середины XX века. На первый план выходит не столько философия науки, сколько социальная структура интеллектуального мира — с его иерархиями, ритуалами, назначаемыми героями и назначаемыми изгоями. Фейерабэнд, сформировавшийся в Европе 1930–40-х годов, показывает, как война создала поколение людей, которые «не думали о том, что делают, они просто выживали». Эта социальная травма становится отправной точкой для его позднего

гуманизма — веры в чувственность и сострадание как единственные устойчивые опоры. Студенческая Вена, затем Англия, бесконечные перелеты между США, Новой Зеландией и Европой — все это не просто географическая мобильность, а форма социального выживания в академическом мире, который автор видит не как пространство рационального поиска, а как сеть борьбы за позиции, признание, кафедры и влияние.

Его отношения с Поппером, Лакатосом, Сёрлом — это не просто философские конфликты, а столкновения разных стилей интеллектуального существования. Поппер — воплощение дисциплины и морального максимализма. Лакатос — блестящий игрок и стратег. Сёрл — институциональный прагматик. Фейерабенд же — человек, который одновременно нуждается в признании и отказывается играть по правилам. В этом смысле его биография — идеальный материал для социологии науки, она показывает, как формируются и воспроизводятся авторитеты, почему одни фигуры становятся каноническими, а другие — скандальными, и насколько хрупким является баланс между свободой ученого и институциональным контролем. Без сопоставления с ключевыми фигурами философии науки XX века — Поппером, Куном и Лакатосом — «Убивая время» трудно понять в полной мере. Поппер для Фейерабенда — одновременно учитель и мишень. В автобиографии он изображается жестким, морально требовательным, даже догматичным. Попперовская идея открытого общества и критического рационализма предполагает уважение к истине как ориентиру. Но для Фейерабенда проблема в том, что этот ориентир быстро превращается в регулятор поведения, в «тирана истины», который подавляет свободу думать иначе. В книге это видно не напрямую, а через постоянное сопротивление автора любым обязательным нормам — будь то ожидания академической дисциплины или нормы интеллектуального поведения. С Куном Фейерабенда сближает то, что оба считают, что наука не следует универсальному методу, что она исторична и зависима от контекстов. Но Кун — историк дисциплин, а Фейерабенд — нигилист по отношению к ним. Кун говорит, что нормальная наука существует. Фейерабенд отвечает, что нормальная наука — это миф, идеология, средство дисциплинарного контроля.

Кун выявляет структуру научных революций. Фейерабенд хочет разрушить структуру как таковую. Лакатос — наиболее тонкий оппонент Фейерабенда. Его программа — попытка сохранить рациональность в условиях историчности. Для Фейерабенда это попытка создать новую, более «хитрую» форму догмы. В автобиографии их отношения описаны как дружба, споры, взаимное раздражение, восхищение и дистанция. Но при этом всегда ощущается методологическое расхождение, Лакатос считает возможным рациональное объяснение научного прогресса, а Фейерабенд — нет. Эти сравнение показывает, Фейерабенд — не «анти-Поппер» и не «радикальный Кун». Он автор, чья методологическая позиция вырастает из биографии, из ранений, из лишений, из боли, из театральности, из постоянного опыта поиска другой реальности.

Фейерабенда не принято классифицировать как социолога науки, но «Убивая время» неожиданно раскрывает именно социологическую основу его мышления. Он показывает, что наука как социальный институт формирует иерархии, кто допускается к дискуссии, а кто нет. Философия науки, по его мнению, живет в состоянии «клерикализма», а ученые обладают авторитетом, аналогичным средневековой церкви. Для Фейерабенда культура — это сообщество способов делать жизнь значимой. Наука — только один из таких способов, и далеко не самый важный. Он убежден, что искусство, миф, религия и местные формы знания не просто альтернативы, но элементы равноправного эпистемологического поля. Понимание науки как формы власти — центральный социологический вывод. Фейерабенд показывает, что научное знание становится господствующей идеологией — не через поиск истины, а через институциональные механизмы: образование, гранты, экспертизу, государственную поддержку. Его знаменитый тезис о необходимости «разделения государства и науки» — не эпатаж, а требование демократизации знания.

Самое неожиданное в книге — откровенность. Фейерабенд пишет о своей импотенции, о неспособности реагировать на нацизм, о неумении строить отношения, о депрессиях, о постоянных бегствах. Но эта «слабость» превращается в основу его философии. Он не верит в рациональность, потому что видел слишком много иррационального. Он не верит

в метод, потому что видел, как он используется как дубинка. Он не верит в научный авторитет, потому что сам много раз оказывался по обе стороны авторитетных отношений. Философия Фейерабенда — это биография, переведенная на методологический язык.

Стиль книги — смесь эссе, анекдотов и исповеди. Часто кажется, что автор нарочно делает текст «несерьезным», чтобы подорвать ожидание глубокомысленности. Это отражение его позиции «интеллектуального дадаизма», как только мы относимся к чему-то слишком серьезно, мы создаем идола, которого нужно разрушить. Легкость, которая местами выглядит легкомыслием, оказывается мощным инструментом критики идеологий — включая идеологию науки. «Убивая время» — не лучшая книга для понимания философских идей Фейерабенда. Она фрагментарна, непредсказуема, слишком личная и лишена аналитической строгости. Она не объясняет, как он пришел к своим радикальным выводам, часто уводит в мир театральных историй и подробностей, значимых скорее для самого автора. Но именно поэтому она интересна. Перед нами не реконструкция теории, а реконструкция человека, который стал теорией. Фейерабэнд демонстрирует, что радикальная методологическая критика рождается не в кабинете, а в жизни, полной сомнений, боли, страстей и ситуаций, где «метод» попросту бессилён. Его биография показывает, что эпистемологический анархизм — не поза, а попытка жить честно в мире, где претензии на последнюю истину слишком часто становятся инструментом власти.

Книга провоцирует, раздражает, очаровывает, сбивает с толку читателя и оставляет чувство незавершенности — но именно это и делает ее правдивой. «Убивая время» — это не только документ эпохи, но и напоминание, что никакая интеллектуальная система не способна полностью объяснить жизнь человека, который ею занимается. И такое признание — возможно, самый честный философский жест Фейерабенда.